

ния рационалистического мышления Шишкова, «Слову» не хватало последовательности изложения, темные места мешали однозначному пониманию памятника (а перифрастичность и многозначность слога были для него недостатками). Поэтому в переводе Шишков опускает темные места и значительно расширяет и дополняет текст своими вставками: «... рассудилось мне предложить, или паче переделать оную (песнь, — М. А.) таким образом, чтобы, оставляя все красоты подлинника без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями. Сим средством песнь сия от начала до конца сделается ясною, и я надеюсь, что сколь бы ни были собственные мои распространения и присовокупления слабы, но сплассенные с сильными выражениями и красотами подлинника, нечто приятное составят они для чтения» (VII, 125).

Первый в истории изучения «Слова» объяснительный перевод стал в то же время и самостоятельным литературным произведением, как бы вариацией на мотивы древнего памятника русской литературы, и это произведение вполне удовлетворяло принципам той литературной группы, которая несколько лет спустя организовалась в «Беседу любителей русского слова».

О значении, которое сам Шишков придавал своей работе, свидетельствует письмо его к патриарху русской литературы, который первым откликнулся на находку «Слова»,¹⁰ М. М. Хераскову: «Вы найдете в сей части («Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академиею», ч. 1, СПб., 1805, — М. А.) толкование мое на слово или песнь о полку Игоревом. Сочинение сие как по древности, так и по красоте своей показалось мне достойным того, чтоб вникнуть и разобрать оное подробнее. Не знаю, предупел ли я рассеять тот мрак, в каком оно являлось быть скрыто, и не обманулся ли где в показывании стихотворческих красот. Если бы я смел вас беспокоить, то пожелал бы знать ваше о том мнение, которое чем чистосердечнее, тем приятнее бы для меня было».¹¹

В предуведомлении к переводу Шишков подробно развивает свои излюбленные мысли о древности русской литературы: начало словесности в России «покрыто мраком». «Однако заключить можно, что язык наш процветал издревле» (VII, 35—36). Доказательства этой мысли, по Шишкову, суть следующие: во-первых, красота и сила переводов священных книг, откуда следует, что Россия еще до принятия христианства обладала выработанным литературным языком. Во-вторых, фольклор, в котором «часто видны бывают следы уопарения и стихотворческого духа». И, наконец, последнее, но занимающее важнейшее место в рассуждениях Шишкова — свидетельство «Слова»: «... высокое мнение и почтительное изречение о Бояне показывает, что славенский певец сей может быть гремел некогда таковою же славою, как и греческий Гомер. Где в стране поет один соловей, там, без сомнения, есть и другие: когда в Славенском народе был Боян, то, конечно, были и другие, подобные ему, но сочинения их до нас не достигли, и потому память их погибла» (VII, 36—37).

Мысль Шишкова была подхвачена митрополитом Евгением, другом и литературным советником Державина, позднее почетным членом «Бе-

¹⁰ См.: С. Ф. Елеонский. Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. — Слово о полку Игореве. Сб. статей, Государственный литературный музей, М., 1947, стр. 96 и сл.

¹¹ Рукописный отдел ГПБ, ф. 862 А. С. Шишкова, ед. хр. 3, стр. 14. Письмо датировано 20 октября 1805 г.